

На следующее утро съемочная группа замерла перед покосившимся остовом старого дома. Руководитель проекта, нервно теребя край пиджака, приблизился к Ли Цину и с тревогой в голосе спросил: «Господин Ли, вы уверены? Уверены, что стоит начинать прямо сейчас?»

Ли Цин, сохраняя невозмутимость, ответил: «Мы уже не можем откладывать, разве не так?»

Ответственный поправил очки, и без того глубокая складка между бровями стала еще глубже. «Но я слышал от старосты... дело тети Ван все еще не улажено. Какой бы вздорной она ни была, это всего лишь старушка. Мы представляем Центральное телевидение, и не можем позволить себе скандалов во время съемок...»

«Редактор Чэнь, я понимаю ваши опасения», – мягко прервал его Ли Цин. – «Как бы ни кичилась своей властью эта старая женщина, серьезной помехой она не станет».

Ответственный задумался, пытаясь разгадать смысл этих слов, но не успел он прийти к какому-либо выводу, как из дома донесся жалобный, до боли знакомый вой.

Тетя Ван, словно почуяв недоброе, выскочила из-за угла, подобно фурии. «...Я знала! Знала, что вы, бессердечные, снова явились!»

Она рухнула на землю перед деревянным домом и заголосила: «Вы хотите отнять у меня землю даром?! Вас тут целая толпа, как вам не стыдно издеваться над беззащитной старухой?! О, горька моя доля!»

Заметив, что съемка застопорилась, Ли Хуайшэнь, нахмурившись, быстро подошел к молодому человеку и тихо предостерег: «Будь осторожен».

Они стояли так близко, что их одежда слегка соприкасалась, и почти ощущался запах друг друга. Ли Цин помолчал, и затем, с едва заметной заминкой, произнес: «Я в порядке».

Тетя Ван, притворно рыдая, зорко следила за происходящим. Заметив эту близость, она на мгновение заколебалась. Говорили, что нападать нужно на слабых, но Ли Цина, казалось, надежно защищал Ли Хуайшэнь, и связываться с этим непроницаемым человеком она не решилась.

Нужно что-то... другое.

Глаза тети Ван забегали в поисках жертвы, и вдруг она, словно ее осенило, бросилась к ответственному, картинно «споткнувшись» и вцепившись мертвой хваткой в его икру. «Ой! Моя бедная спина сломалась!»

Ответственный пытался вырваться, но лишь сильнее зарывался в грязь. Воспитанный и интеллигентный человек, он никогда не сталкивался с таким циничным вымогательством.

Через несколько мучительных секунд его лицо побледнело. «Оттащите ее от меня!»

Съемочная группа бросилась на помощь, но тетя Ван, словно разъяренный зверь, лишь усилила натиск, ударив одного из них головой. Ее пронзительные крики резали слух и леденили душу. «Ой, мне больно! Я задыхаюсь! Помогите! Грабители отнимают мою землю и избивают меня! Ой!»

«Кто-нибудь, спасите...»

В разгар этой бушующей драмы сзади послышался топот множества ног. Сун Цзяшу шел впереди, а за ним тянулась вереница ребяташек, державшихся за руки своих родителей. На их лицах сияла радость и предвкушение.

Тетя Ван, увидев такую внушительную группу жителей деревни, на мгновение смутилась, но продолжила свои душераздирающие вопли.

Ли Цин и Сун Цзяшу обменялись короткими улыбками. «Вы пришли», – констатировал Ли Цин.

«Хмм», – ответил Сун Цзяшу, бросив на тетю Ван мимолетный взгляд, в котором угадывалось скрытое отвращение.

Он шагнул вперед и взял инициативу в свои руки, обратившись к ответственному: «Редактор Чэнь, сегодня первый день работы новой школы! Многие родители хотят прийти, посмотреть и порадоваться вместе с детьми».

Ответственный все еще пытался освободиться: «Но это...»

Ли Цин ободряюще посмотрел на него, затем наклонился и негромко предупредил тетю Ван: «Тетя Ван, продолжая этот фарс, вы ничего не добьетесь. Эта земля принадлежит общине, и у вас нет права препятствовать строительству школы».

Услышав это, тетя Ван схватила пригоршню земли и бросила ее в сторону молодого человека, выкрикивая: «Откуда вы взялись, чертовы умники! Несите чушь! Это моя земля, и я буду делать с ней все, что захочу!»

Ли Цин быстро отступил, но грязь все равно испачкала его брюки. Он посмотрел на тетю Ван, которая продолжала «неустанно» спорить, и теплота в его глазах постепенно угасла.

Воспользовавшись моментом, ответственный, собравшись с силами, вырвался из ее цепких рук. Тетя Ван потеряла равновесие и шлепнулась лицом в грязь, издавая при этом душераздирающий, неестественный вопль: «Убивают! Убивают! Люди добрые, помогите...»

«Ах Шэн, посмотри, что они делают! Издеваются над беззащитной старухой!»

«Если они не заплатят мне сегодня, я разобью себе голову об эту стену и умру! Будете потом ловить меня по всему свету!»

Жители деревни Паньюэ, наблюдая эту сцену, хмурились, но никто не спешил вмешиваться.

Ли Цин, отгородившись от этого шума, повернулся к толпе и объявил: «Уважаемые жители, я – главный проектировщик этой школы. Как вы сами видите, из-за препятствий, чинимых тетей Ван, я, от имени всей проектной команды, объявляю об отказе от этого благотворительного проекта по строительству школы».

Толпа замерла в оцепенении.

Через несколько секунд из толпы раздался детский крик: «...Я хочу учиться! Я хочу в школу!»

«Ачэн, что с тобой?» – родители Ван Чэна, пораженные поведением своего сына, присели рядом, пытаясь успокоить его.

Глаза Ван Чэна покраснели и опухли от слез, он с трудом сглотнул и пролепетал: «Это все тетя Ван! Новую школу, которую мы так ждали, теперь не построят! Неужели я больше не смогу ходить в школу? Мама! Я... я хочу в школу!»

И словно по команде, еще несколько детей заплакали: «Почему тетя Ван не разрешает нам построить школу? Мы хотим учиться, вааааа...»

«Я тоже хочу учиться! Хочу в университет! Хочу увидеть мир за пределами этих гор! Хочу школу!»

В течение нескольких минут воздух наполнился детскими рыданиями, найдя глубокий отклик в сердцах жителей деревни.

Чэнь Фан, выбрав подходящий момент, прорвался сквозь толпу и прокричал: «Односельчане! Дети – это будущее нашей деревни Паньюэ! Школа должна быть построена! Они должны учиться!»

«Вспомните, сын тети Ван стал большим начальником, потому что учился в университете!»

Его слова разбудили многих жителей деревни.

Мать Ван Чэна отреагировала быстрее всех. Указывая пальцем на тетю Ван, она закричала:

«Старая ведьма! Кто дал тебе право лишать моего Чэна возможности учиться!»

Кто-то подхватил ее слова, щедро приправляя их проклятиями: «Бессовестная! Мы столько лет тебя терпели! А ты покусилась на наших детей! Отвечай, это твоя земля?!»

«Твой сын смог поступить в университет только благодаря нашей помощи! А что ты делаешь сейчас? Лишаешь всех детей в деревне будущего! У тебя нет ни стыда, ни совести!»

«Даже не вспоминай о своем сыне! Сколько людей в нашей деревне помогали тебе все эти годы? Ты платишь за добро добром! Когда ты умрешь, даже Король Ада не примет тебя к себе!»

Один из сотрудников, не выдержав, воскликнул в сердцах: «Правильно сказано!»

«Вот именно! Я никогда не видел такого бессовестного старшего!»

Ли Цин, прикрыв рот рукой, жестом попросил съемочную группу отойти в сторону.

Они, как посторонние, не должны вмешиваться во внутренние дела деревни. Но жители деревни Паньюэ – другое дело. Последние несколько десятилетий они терпели жадность тети Ван.

От равнодушия до ярости – всего один шаг. И детский плач стал идеальным триггером, последней каплей.

Для этих бедных крестьян единственная надежда на лучшее будущее – это их дети, которые должны стать драконами и фениксами, найти хорошую работу и жить счастливо. И лучший способ добиться этого – образование.

То, что сейчас делает тетя Ван, разрушает надежды детей и убивает будущее деревни Паньюэ!

Жители деревни стали для съемочной группы идеальным инструментом – способом сказать и сделать то, что им самим говорить и делать было неудобно. И все шло именно так, как он и предполагал.

Ругательства крестьян были просты и незамысловаты, но шли от самого сердца.

Тетя Ван, оглушенная потоком оскорблений, покраснела от стыда. Она быстро пришла в себя и прибегла к своей излюбленной тактике: «...Вы... вы хотите сжить меня со свету!»

Она нетвердо поднялась на ноги, набрала в грудь воздуха и прохрипела: «Я сейчас умру! Пойду жаловаться на вас Королю Ада! Это вы довели меня до могилы!»

«Кого ты пытаешься обмануть!» – мать Ван Чэна, вне себя от ярости, закатила рукава и схватила тетю Ван за руку. «Хочешь умереть? Пойдем! Я размажу тебя головой об эту стену!»

Мать Ван Чэна славилась в деревне своей силой. Она потащила тетю Ван, похожую на цыпленка, к ветхой стене старого дома. «Все равно дети не смогут учиться, в деревне нет будущего, и мы не будем жить хорошо! Я тоже жить не буду!»

«Я не успокоюсь, пока не избавлюсь от тебя, проклятая!»

Наблюдая эту сцену, все замерли в напряжении, но, к их удивлению, тетя Ван, которая еще недавно грозила умереть, вдруг испугалась и залепетала: «Я... я не умру! Кто сказал, что я хочу умереть!»

«Отпустите меня! Мне не нужны деньги! Я не хочу умирать, помогите...» Лицо тети Ван стало пунцовым, она попыталась вырваться из рук матери Ван Чэна, но споткнулась и ударилась о стену. «Ой!»

Она тут же обмякла и рухнула на землю, как бесхребетная тряпичная кукла.

<http://bllate.org/book/14669/1302371>